

РОЛЬ ВИЛЬНЮССКОЙ ЦЕНЗУРЫ В РАЗВИТИИ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА В 1803—1832 ГОДАХ

Г. Я. ШУЛЬКИНА

Вильнюс в истории развития книгоиздательского дела народов Советского Союза и Польши занимает совершенно исключительное место. Традиции издательского дела древней столицы литовского народа глубоко интернациональны, исключительно богаты и интересны. Значение Вильнюса как колыбели и очага книгопечатания выходит далеко за национальные рамки одного народа. В периоды наибольшего расцвета родственные славянские и литовская культуры развивались здесь в тесной взаимосвязи. Такими периодами расцвета вильнюсского книгопечатания являются: вторая половина XVI — первая половина XVII века, когда Вильнюс был центром книгопечатания кириллицей и колыбелью зарождения литовского и латышского книгопечатания на территории царской России; первое тридцатилетие XIX века, когда благодаря университету печатная продукция Вильнюса по своей идеологической направленности, влиянию, количеству и территориальному охвату занимала одно из первых мест в России.

Виленский университет (1803—1832) сыграл выдающуюся роль в развитии издательского дела Литвы. Один из крупнейших университетов царской России, он стал очагом культуры для огромной территории, охватывавшей не только Литву, но Белоруссию и Украину. Преследуя широкие просветительские цели, университет предпринял целый ряд мер, способствовавших подъему издательского дела в Виленском учебном округе¹. Изучение широкой проблемы влияния Виленского университета на издательское дело было бы неполным без рассмотрения вопроса о цензуре, действовавшей при университете. Не ставя себе задачей изучение вопроса в полном объеме (это выходит за рамки нашей темы), автор стремился дать общую характеристику университетской цензуры как составной части деятельности университета в области книгоиздательского дела. Поскольку университетская цензура касалась печати на польском, еврейском и литовском языках, постольку в статье собраны и рассмотрены факты цензурного гнета по отношению к литовской, еврейской и польской книге.

Пункт 9 «Акта утверждения для императорского университета в Вильне» от 4 апреля 1803 года гласит: «Университет должен иметь свою цензуру для рассматривания академических сочинений и других книг, относящихся к наукам и словесности, следующих к напечатанию в его типографии или выписываемых им для своего употребления из

¹ По этому вопросу см.: Шулькина Г. Виленское типографическое общество. — „Bibliotekininkystės ir bibliografijos klausimai“, t. 2, 1962, p. 147—162.

чужих краев. Привоз оных как морем, так и сухим путем беспрепятственно дозволяется. Принадлежит также ведению его цензура над всеми типографиями в округе его».

Согласуясь с этим актом, «Устав или общие постановления Императорского Виленского университета и училищ его округа» в пункте 15 утверждает организационные принципы цензуры при Виленском университете, просуществовавшие без изменений до 1827 года. Упомянутый устав гласит: «Для рассматривания книг общее собрание университета ежегодно избирает из каждого отделения [т. е. факультета.— Г. Ш.] заслуженного или действительного профессора. Каждый цензор имеет рассматривать книги, относящиеся по своему содержанию к его отделению, и по донесению оных он учинит правлению университета, позволяется или отказывается в напечатании книги. В сомнительных же случаях цензор спрашивает совета у профессоров своего отделения и потом на мнению оною основывается»².

Первый состав цензурного комитета университета был избран 1 октября 1803 года. В него вошли профессоры: от факультета физических и математических наук — Фадей Кундзич, от факультета медицинских наук — Енджей Снядецкий, от факультета нравственных и политических наук — Филипп Голяньский, от факультета словесности и изящных искусств — Константин Богуславский. Цензоры получали по сто рублей сверх профессорского оклада. Немногим позднее ректор Е. Стройновский ходатайствует об учреждении из статьи непредвиденных расходов должности секретаря цензуры³. Первым секретарем назначается Виталис Избицкий⁴.

9 июля 1804 года был утвержден первый в России устав о предварительной цензуре. По уставу цензурные комитеты учреждались при университетах и зависели от Министерства просвещения⁵. Устав 1804 года был довольно либеральным и позволял «... скромное и благоразумное исследование всякой истины, относящейся до веры человечества, гражданского состояния, законоположения, управления государственного...»⁶. Однако этот устав в жизнь не претворялся. Как указывает историк русской цензуры А. М. Скабичевский, цензура сделалась орудием веяний и партий, господствовавших в высших сферах. Цензоры, хотя и были профессорами, оказались прежде всего чиновниками и взгляды их на дозволенное и недозволенное в цензурном отношении должны были совпадать со взглядами лиц, стоявших во главе министер-

² Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. Спб., 1862, с. 77—78.

³ Центральный государственный исторический архив ЛССР (в дальнейшем ЦГИА ЛССР), ф. 721, оп. 1, д. 424, лл. 1—4. Организационные принципы Виленской цензуры в первый период ее существования кратко изложены Ю. Белиньским. *Uniwersytet Wileński*. T. I. Kraków, 1899—1900, s. 465—466.

⁴ Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из архива Министерства народного просвещения. Т. 2. Спб., 1897, стлб. 1127—1128.

⁵ Не вся печатная продукция рассматривалась цензурными комитетами. Цензура религиозных книг осуществлялась Виленским капиталом, избравшим ежегодно 5—7 цензоров (См.: *Directorium et missarum pro Diaecesi Vilenensi... Vilnae*, 1809 и др.). С течением времени недоверие ко всему нерусскому росло в царских кругах и цензурный устав 1826 года предусматривает, что книги религиозного содержания на польском и литовском языках, пройдя духовную цензуру, должны еще просматриваться цензурными комитетами. (Сборник постановлений... с. 158.) Устав 1828 года оставил в силе тот же порядок с тем только уточнением, что религиозные книги на литовском языке рассматривались Тельшевским епископом (там же, с. 323). Из компетенции цензурных комитетов исключались также театральные афиши и объявления, которые позволяла к печатанию полиция. Периодические издания, выписываемые из-за границы, рассматривались особыми цензорами при почтамтах (там же, с. 87).

⁶ Сборник постановлений... с. 87.

ства народного просвещения, и менялись при малейшей перемене правительственного ветра. В первые годы существования устава, пока либеральные порывы не успели еще заглухнуть в правительственных сферах, цензоры были мягки и уступчивы⁷. Позднее цензурный гнет все возрастает.

Виленский цензурный комитет не придерживался в точности цензурного устава 1804 года. Уставом выборы профессора в цензоры связывались не с представительством определенного факультета, а лишь с тем или иным лицом. Виленский же университет придерживался своего устава и, как уже указывалось выше, избирал цензоров от всех 4-х факультетов. Безусловно, что такой состав цензурного комитета из специалистов разных областей знаний был более компетентным, чем произвольно избранный цензурный комитет.

Еще более значительным и важным является отступление Виленского цензурного комитета от устава, касающееся одобрения сомнительных рукописей. Согласно уставу, в случаях сомнений при одобрении рукописи к печатанию нужно было обращаться в Главное правление училищ. Виленский цензурный комитет, однако, в таких случаях почти всегда (до 20-х годов) обращался только к соответствующим факультетам⁸.

До организации цензурного комитета при университете цензурный надзор на территории Виленского учебного округа не был налажен⁹. С первых же дней существования Виленский цензурный комитет стал принимать меры для внедрения в жизнь цензурного режима. В 1803 году университет предупреждает типографию ордена базилианов за напечатание книги без дозволения цензуры¹⁰. Применяются санкции и к другой типографии. Весь тираж календарей, напечатанного диоцезальной типографией без дозволения цензуры, был университетом изъят, и лишь после ходатайства заведующего типографией доход от продажи календарей разрешено было использовать для нужд библиотеки епархиальной семинарии. Предупреждения о соблюдении правил цензуры были также посланы и другим типографиям¹¹. Но старые привычки не так быстро искоренялись, и в 1805 году на типографию монашеского ордена пияров, а в 1806 году на диоцезальную был наложен штраф за печатание без дозволения цензуры¹².

Царизм все время уделял исключительно большое внимание повременной печати, в том числе и издававшейся на других, не только русском, языках. Начало XIX века ознаменовалось резкими сменами царской внешней политики, которые повременная печать должна была чутко отражать. Никакое объективное освещение событий не разрешалось. Как отмечает Скабичевский, «... политическому отделу всей русской прессы был сообщен характер и значение официальности»¹³. Но думается, что не только соображениями политики руководствовалось при этом царское правительство. Здесь не меньшую, если не большую, роль играло стремление формировать угодное правительству обществен-

⁷ Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры (1700—1863). Спб., 1892, с. 97.

⁸ Отдел рукописи Вильнюсского государственного университета (в дальнейшем ОР ВГУ), ф. КС, д. 6, л. 301.

⁹ О цензуре до 1803 г. см.: Zytkowicz L. Rządy Reppina na Litwie w latach 1794—7. Wilno, 1938, s. 236—243.

¹⁰ Abramowicz L. Cztery wieki drukarstwa w Wilnie. Wilno, 1925, s. 77.

¹¹ Сборник материалов..., т. 2, стлб. 370—374.

¹² ЦГИА ЛССР, ф. 721, оп. 1, д. 423, лл. 1—4, 14.

¹³ Скабичевский А. М. Очерки истории..., с. 211.

ное мнение, отучить общественность критически думать, оценивать события, действия царя и правительства.

Уже в 1806 году министр просвещения делает замечание попечителю Виленского учебного округа А. Чарторыйскому, что виленская цензура плохо наблюдает за газетой «Литовский курьер» («Kurjer Litewski»), которая помещает «...сочинения, уязвляющие личность... и недозволяемых разглашений, каковы и в иностранных ведомостях к обнародованию у нас запрещаются». Министр предлагает сделать ректору Е. Стройновскому «строгий выговор»¹⁴. В 1809 году «Литовский курьер» опять получает замечание, чтобы он не помещал ничего зазорного о Наполеоне¹⁵.

Стремясь унифицировать всю печать, министр просвещения сообщает университету, что «Литовскому курьеру» разрешена перепечатка известий из «Северной почты» и «Сенатских ведомостей», и вместе с тем добавляет: «Предлагая о сем высочайшем соизволении университету, нужным считаю с моей стороны заметить, что цензура сего университета допускала в Литовском курьере помещать статьи, с политическими обстоятельствами не совместимые. Посему подтверждаю университету, дабы имел неослабное наблюдение за цензурою, в противном случае не токмо лишится он права, ныне государем ему предоставляемого, но и подвергнет себя строгости законов»¹⁶.

Привилегированное положение попечителя Виленского учебного округа А. Чарторыйского, являвшегося в первые годы царствования Александра I приближенным царя, невозможность быстрого контроля со стороны петербургских вышестоящих организаций (кстати сказать, их основное внимание в первые два десятилетия XIX века концентрировалось больше на русских изданиях) позволили Виленскому цензурному комитету долгие годы пользоваться относительной самостоятельностью в рамках дозволенного. Общее направление деятельности Виленского цензурного комитета до 20-х годов не отличалось реакционностью и отражало, насколько это было возможным в области цензуры, идеи просвещения и шляхетского либерализма, господствовавшие в Виленском университете. Главное внимание цензурного комитета концентрировалось на научной¹⁷ и моральной стороне издаваемых произведений. Так например, в 1814 году не была одобрена к печатанию рукопись «Паулина и Блекмур или месь» (перевод с французского)¹⁸. По тем же причинам цензор Ф. Голянский не дает дозволения на печатание «Меден или отвергнутой любви» и «Вильгельмины или воскресения умершей» в 1821 году¹⁹.

¹⁴ ЦГИА ЛССР, ф. 721, оп. 1, д. 423, л. 12.

¹⁵ Там же, ф. 378, 1809, д. 256, л. 6 и др.

¹⁶ Там же, ф. 721, оп. 1, д. 423, л. 33.

¹⁷ Следует отметить, что зачастую до того как научное произведение или учебник попадали в цензурный комитет, их рецензировали профессора соответствующих факультетов, то есть фактически к этой области деятельности цензуры привлекался весь профессорский состав университета. В 1817 году с усилением реакции царское правительство преобразовывает Министерство народного просвещения в Министерство духовных дел и народного просвещения. Одновременно при министерстве учреждается Ученый комитет, основной задачей которого было утверждение учебников, их проверка, соответствуют ли они духу и целям правительства. См. Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. I. Спб., 1889, с. 194—215. В том же году подобный Школьный комитет возобновил свою работу при Виленском университете. Однако в этом вопросе он долгие годы бездействовал (ЦГИА ЛССР, ф. 567, оп. 2, д. 674, л. 23). В 1825 году централизованный порядок утверждения учебников отменяется. Эти функции полностью переходят к Школьным комитетам при университетах. Там же, д. 1721, л. 2.

¹⁸ ЦГИА ЛССР, ф. 721, оп. 1, д. 74, л. 12.

¹⁹ Там же, л. 19.

Деятельность цензурного комитета проходила весьма спокойно, однако правительственные веяния не оставляли Вильнюса в полной безмятежности. В Петербурге все больше удалялись от устава 1804 года. В 1811 году университету очень долго пришлось объясняться перед министром просвещения А. Разумовским по делу об издании книги Валериана Стройновского «Об условиях помещиков с крестьянами».

Книга В. Стройновского на польском языке, изданная университетом²⁰, вышла с разрешения Виленского цензурного комитета в 1808 году. Автор ставил в ней вопрос об освобождении крестьян от крепостной зависимости и заключения с ними договоров. Стоя на классовых позициях помещиков, защищая монархический строй, автор рассматривает различные способы зависимости крестьян от помещиков после их освобождения. В 1809 году известный русский библиограф В. Г. Анастасевич перевел книгу на русский язык и прислал ее в Виленский университет для одобрения к напечатанию. Профессора С. Малевский и Я. Чернявский просмотрели и одобрили рукопись перевода к изданию, и в том же году она была отпечатана у Ю. Завадзкого (университетского типографа). Завадзкий допустил при этом оплошность — не указал дозволения цензуры. Произошло это вследствие того, как писал в своем объяснении Завадзкий, что переводчик менял заглавие книги. Первоначально он озаглавил ее «О договорах помещиков с крестьянами» и на этом титульном листе было указано дозволение цензуры, но потом, когда был напечатан новый титульный лист, на нем забыли указать разрешение цензуры. Это дало даже повод обвинить Завадзкого в том, что он издал два издания этой книги²¹.

Появление этой книги на русском языке было встречено крепостниками в штыки. Были попытки запретить ее и изъять из продажи²². Министр просвещения требует от университета подробнейших объяснений, почему книга была одобрена к печати. Цензурный комитет в своем объяснении говорит, что разрешил книгу к печатанию потому, что автор показал в ней пользу уже практиковавшихся отношений с крестьянами (имелся в виду указ Александра I о свободных хлебопашцах), которые во многих случаях были апробированы царем, и нашел, что опубликование такого сочинения не противоречит цензурному уставу, допускающему умеренную критику существующих порядков. Министр просвещения Разумовский все же сделал правлению университета и Ю. Завадзкому «... строжайший выговор и объявить как членам комитета, так и Завадзкому, что при первом подобном случае они подвергнутся зысканию, почему они должны и впредь поступать с надлежащей осторожностью»²³.

Виленскому цензурному комитету приходилось также проводить немалую работу по цензурованию еврейских (под этим тогда понимали древнееврейские) книг. На территории Виленского учебного округа в то время проживало большинство евреев, населявших Россию²⁴. Евреи бывшего Великого княжества Литовского имели глубокие традиции печатного дела²⁵. Религиозная книга была необходимой принадлежностью даже самого бедного еврейского дома. Не удивительно, что на территории Виленского учебного округа имелось 11 еврейских типографий:

²⁰ ОР ВГУ, ф. Я. Снядецкого, д. 19—22, л. 5.

²¹ ЦГИА ЛССР, ф. 721, оп. 1, д. 1054, л. 46.

²² О русском переводе книги Стройновского имеется фундаментальное исследование в книге Брисмана М. А. «В. Г. Анастасевич» (М., 1958, с. 38—63).

²³ ЦГИА ЛССР, ф. 721, оп. 1, д. 114, лл. 99—101.

²⁴ Там же, д. 73, л. 95.

²⁵ Janulaitis A. Zydai Lietuvoje. К., 1923, р. 24.

в Вильнюсе, Гродне, Минске, в Волынской губернии в Остроге, Славуте, Сиделкове, Корце, в Подольской губернии в Могилеве над Днестром, в Могилевской губернии в Копысте и Шклове²⁶.

Просмотр древнееврейских книг требовал от цензора очень глубоких знаний языка и предмета, и даже цензоры теологи не всегда обладали ими в достаточной степени и прибегали к посторонней помощи. В 1808 году за цензуру древнееврейских книг отвечал профессор А. Бекю, а помогал ему Ю. Розенсон, выделенный вероятнее всего кагалом²⁷. Книги одобрялись по докладу последнего. Позднейшие цензора древнееврейских книг профессора Ф. Голянский, Ф. Бобровский, адъюнкт Ш. Жуковский избирали себе помощников из числа студентов²⁸.

В 1811 году в России было образовано министерство полиции, и правительство, которое на практике уже отступило от основных льгот цензурного устава 1804 года, закрепляет это юридически. К обязанностям «особой канцелярии» министра полиции была отнесена «цензурная ревизия», надзор за книгопродавцами и типографиями, наблюдение за тем, чтобы не обращались книги, журналы, мелкие сочинения и листки без установленного от правительства дозволения, а также иностранные сочинения неодобрительного содержания. Кроме того, по новому порядку полиции было предоставлено выдавать «дозволения на представления новых театральных сочинений и на напечатание афиш и объявлений и т. п.». Министерству полиции поручалось также наблюдать за тем, чтобы в обращении не находились такие книги, которые «хотя и были пропущены цензурой, подавали бы повод к превратным толкованиям, общему порядку и спокойствию противным»²⁹. Таким образом устанавливалась цензура над цензурой.

Двойная зависимость цензурных комитетов от Главного правления училищ при Министерстве народного просвещения и от Министерства полиции ложилась тяжелым бременем на издательское дело, но в силу создавшихся условий она сравнительно мало задевала издательское дело Литвы, и примечательно, что репрессивные меры из Петербурга следовали только тогда, когда в этом были заинтересованы определенные лица. Это положение может быть проиллюстрировано следующим фактом. 1817 год отмечается в Вильнюсе развернувшейся полемикой между масонами и их противниками. Когда после Венского конгресса католическое духовенство по приказанию Ватикана начало выступать против масонов, один из выдающихся членов вильнюсской масонской ложи прелат Михал Длуский выступал в защиту масонства, публикуя в 1817 году у Ю. Завадзкого брошюру «Письмо Лиссабонского раввина к Брестскому»³⁰.

В том же году ксендз Алоиз Коженевский в ответ на эту брошюру публикует «Простой ответ на отпечатанное в Вильне письмо Лиссабонского раввина Брестскому раввину». Важнейший упрек Коженевского масонам сводится к тому, что «...тайное общество масонов не только низвергает алтари и уничтожает святую религию Иисуса Христа,

²⁶ ЦГИА ЛССР, ф. 721, оп. 1, д. 73, л. 103 об.

²⁷ В 1803 г. университет обращался в кагал с просьбой выделить человека, на мнение которого он смог бы положиться при рассмотрении древнееврейских книг. См.: Сборник материалов... Т. 2, стлб. 371—372.

²⁸ ЦГИА ЛССР, ф. 567, оп. 2, д. 2500, лл. 337—339.

²⁹ Скабичевский А. М. Очерки истории..., с. 116.

³⁰ А. М. Скабичевский, кстати, неправильно относит выход книги к 1813 году и поэтому неверно толкует мотивы поведения профессора Гроддека, одобрявшего ее к печати (Очерки..., с. 127—128).

но и подкапывает трон монархов. Опыт многих европейских стран убеждает в этом»³¹.

Противники масонов, очевидно, не преминули ознакомить с брошюрой Длуского Литовского военного губернатора Римского-Корсакова, который о ней и о брошюре «Рассуждение позволительно ли всем без изъятия читать книги священного писания», направленной против деятельности Библейского общества, президентом которого был министр просвещения А. Н. Голицын, доложил самому Голицыну³². 15 октября 1818 года «Письмо Лиссабонского раввина к Брестскому раввину» в количестве 126 экземпляров и «Рассуждение позволительно ли всем без изъятия читать книги священного писания» в количестве 102 экземпляров были по указанию министра просвещения сожжены³³.

Этот случай очень наглядно рисует нам обстановку, сложившуюся в Виленском цензурном комитете, который в один и тот же год одобрил произведения про- и антимасонские. Виленская цензура блюла лучшие стороны цензурного устава 1804 года, что и сделало возможным появление полемических произведений. Именно на устав и ссылаются в своих объяснениях цензоры опальных книг профессора Г. Гроддек, сам кстати масон, одобривший книгу Длуского³⁴, и Ф. Голянский³⁵, с дозволения которого вышла брошюра «Рассуждения позволительно ли всем без изъятия читать книги священного писания». Последнее произведение много повредило вновь открывшемуся в Вильнюсе Библейскому обществу. К этому обществу принадлежало все высшее начальство губернии, во главе с литовским военным губернатором Римским-Корсаковым.

После заключения Священного союза общая реакция в Европе и России растет. Первую скрипку в Министерстве просвещения при А. Н. Голицыне играли реакционеры М. Л. Магницкий и Д. М. Рунич. Возрастает цензурный гнет. То, что дозволялось раньше, теперь подлежало запрещению. В апреле 1818 года Голицын дает указание попечителю Виленского учебного округа А. Чарторыйскому запретить переиздавать ранее вышедшие книги без повторной цензуры, «...дабы подобные места в книгах сих, содержащие в себе мысли и дух противные религии христианской, обнаруживающие или вольнодумство безбожничества, неверие и неблагочестие, или своеволие революционной необузданности, мечтательного философствования или же опорочивание догматов прославленной нашей церкви и тому подобное были непременно запрещаемые...»³⁶

Страшась революции и крестьянских волнений, царское правительство обращает в те годы особое внимание на то, чтобы нигде в печать не проскользнул даже малейший намек на несправедливость существующего строя. В 1820 году Голицын требует усиления цензуры букварей и приводит в доказательство недостаточной бдительности цензуры цитату из букваря о бедных и богатых³⁷. 2 марта 1821 года

³¹ Nieczuja - Urbański J. W sprawie „Prostej odpowiedzi na list rabina Lizbońskiego do rabina Brzeskiego”. — „Przegląd historyczny”, t. 26, zes. 3. Warszawa, 1926—1927, s. 368—369.

³² ЦГИА ЛССР, ф. 721, оп. 1, д. 1054, лл. 77—78.

³³ Там же, д. 492, лл. 129—130.

³⁴ Скабичевский А. М. Очерки истории..., с. 128.

³⁵ ОР ВГУ, ф. КС, д. 6, л. 299.

³⁶ ЦГИА ЛССР, ф. 721, оп. 1, д. 73, л. 7 об

³⁷ Там же, лл. 64—66.

следует распоряжение Голицына, воспрещающее «пропускать сочинения, касающиеся до политического состояния крестьян в России»³⁸.

Это, разумеется, не могло не отразиться на работе вильнюсской цензуры, однако университет сумел добиться и в те годы некоторого облегчения цензурного режима. Характерно например, что если в России с 1816 года началась ликвидация судебной гласности, то есть запрет публикации извечений из судебных дел, то Литва и все западные губернии все-таки составляли исключение и пользовались правом их публикации даже без предварительной цензуры. Голицын настаивал на установлении цензуры над такого рода изданиями, однако благодаря Чарторыйскому удалось сохранить прежний порядок до 1825 года³⁹.

В 1820 году в Вильнюсе было сожжено еще одно сочинение. На торжественном заседании Виленского человеколюбивого общества была оглашена песнь бедных, славящих своих благотворителей, сочиненная учителем словесности Виленской гимназии, впоследствии цензором, Игнацы Шидловским. Вскоре появилась критика-пародия на эту песнь под названием «Разные которые» («Rozmaite ktorycheś»). Цензор Голянский дозволил ее печатать при условии исправления некоторых мест. Исправления не были внесены, причем произведение было дополнено иллюстрациями, не прошедшими предварительной цензуры. Вследствие вмешательства министра просвещения издание было сожжено⁴⁰.

В 1821 году в Виленском цензурном комитете всплывает вопрос о древнееврейских книгах. В июле 1821 года министр религиозных культов и просвещения Королевства Польского реакционер Грабовский обратился с письмом к Чарторыйскому о том, что многие евреи Королевства ходатайствуют о разрешении ввоза древнееврейских книг из России, одобренных цензурой Виленского университета. Эти книги, как утверждал польский министр, в своем большинстве оказались вредными, ибо якобы распространяли вражду к другим народам. Он просил попечителя распорядиться об усилении цензуры древнееврейских книг. В обстоятельном ответе Виленского цензурного комитета (подписанном ректором университета Ш. Малевским) признается, что существующий до сих пор порядок цензурования древнееврейских книг не в состоянии преградить путь неблагожелательным взглядам, распространяемым в древнееврейских книгах вследствие отсутствия достаточно опытных цензоров. Но вместе с тем комитет был того мнения, что законы и предписания, содержащиеся в талмудистских книгах, тесно связаны с еврейской религией, свободное вероисповедание которой предусмотрено законом. Ввиду этого для запрещения печатания таких книг нужны особые права и инструкции.

³⁸ Непосредственной причиной этого распоряжения послужил случай неповиновения крестьян, проданных полтавским помещиком Кочубеем. Крестьяне требовали свободы. Комитет министров нашел, что к «дерзкому» поведению крестьян подстрекала статья, помещенная в апрельском номере «Исторического, статистического и географического журнала» за 1820 год. ЦГИА ЛССР, ф. 721, оп. 1, д. 1054, лл. 116—117.

³⁹ Скабичевский А. М. Очерки истории... с. 158—159. В 1825 году в связи с тем, что адвокат Пуциловский в своем выступлении в Виленском главном суде допустил «...укорительные и к делу не принадлежащие выражения»..., царь, по докладной цесаревича Константина, повелел все издания о судебных делах в Литве подвергать предварительной цензуре.— ЦГИА ЛССР, ф. 567, оп. 2, д. 1614, лл. 1—3, 11—12; Там же, ф. 721, оп. 1, д. 73, л. 23.

⁴⁰ ЦГИА ЛССР, ф. 721, оп. 1, д. 73, лл. 72—75. Пародия видимо относилась к стихотворению И. Шидловского «Песнь бедных в доме Благотворительного общества», к которому, как упоминает А. Миллер, была сочинена К. Карпинским музыка.— Miller A. Szkic z historii muzyki na Litwie.— Księga pamiątkowa ku uczczeniu setnej rocznicy urodzin Adama Mickiewicza. T. 2. Warszawa (1898), s. 129.

Виленский университет считал, что основным средством борьбы против нежелательных древнееврейских книг является просвещение еврейского народа. Между тем, университет обращал внимание, что закон для евреев от 1804 года, предусматривающий учреждение гражданских школ, в жизнь не претворен. Комитет высказал мнение, что для благополучия страны такие школы надлежало бы открыть⁴¹. Здесь мы сталкиваемся с редким случаем, когда цензура стоит не за усиление охранительных мер, а отстаивает идеи просвещения.

1822 год был знаменательным для развития польской поэзии. Появляются отдельные издания произведений Адама Мицкевича. Первым таким изданием было небольшое стихотворение «К Иоахиму Лелевелю». В январе 1822 года Лелевель возвратился в Виленский университет. Молодежь, в том числе и Мицкевич, встретила его восторженно. По своей литературной форме стихотворение, написанное Мицкевичем в честь этого события, не отходит от старых норм классицизма, но Мицкевич высказывал в нем мысли против самодержавия. Цензура не пропустила отдельных острых выражений, и Мицкевичу пришлось их изменить⁴².

Один из немногих случаев, когда Виленский цензурный комитет обратился в департамент народного просвещения, касается книги «Политическая конституция Испанской монархии, обнародованная в Кадийце 19 марта 1812 года». Эта книга была издана в Петербурге в 1812 году на французском языке. Как указывал в своем объяснении издатель А. Марциновский, профессор Бекю сделал перевод на польский язык, он его исправил и опубликовал в нескольких номерах «Виленского дневника» («Dziennik Wileński») за 1821 год. Позже Марциновский с того же набора напечатал всю статью отдельно тиражом в 250 экземпляров. Виленская цензура на продажу отписка разрешения не дала и для решения вопроса отослала книгу в Петербург со следующей мотивировкой: статья в журнале была пропущена потому, что «... журнал по дорогой цене, его не всякий в состоянии выписывать и читать», что же касается книги, то «... особые книжки по малой цене своей могут попасть в руки людей совершенно неспособных судить о столь отдаленных от них предметах, почему Цензурный комитет, за исключением следующих для рассылки в казенные места 8-ми экземпляров, остальные 242 экземпляра отобрал от издателя, хранит у себя под печатью».

Тогдашний министр народного просвещения и духовных дел А. Н. Голицын предписал указанную книжку, как напечатанную без дозволения цензуры задержать, а цензурному комитету сделать замечание, что ему не следовало пропускать этой статьи в журнале.

⁴¹ Виленским университетом в 1808 году была основана первая в России светская школа для евреев. Она просуществовала всего лишь несколько месяцев. В 1818 году университет разработал проект типовой еврейской школы с намерением открыть такие школы во всем учебном округе. Об этом см.: Коп П. Dawny uniwersytet Wileński a Żydzi.— *Ateneum Wileńskie*. R. 3. Wilno, 1925—1926, s. 402—429. Кому не было известно, почему университет не осуществил этого проекта. Из докладной университета явствует, что университет обратился к военному губернатору с просьбой утвердить проект, но ответа не получил.— ЦГИА ЛССР, ф. 721, оп. 1, д. 73, лл. 90—97. На прогрессивное значение действовавшей в 1808 году школы указывает также университетский типограф Ю. Завадский. — *Materiały do dziejów literatury i oświaty na Litwie i Rusi*. T. I, Wilno, 1935, s. 10.

⁴² Kleiner J. Mickiewicz. T. I. Lwów, 1934, s. 39. Отношение царской цензуры к творениям Мицкевича явилось предметом многих работ. Краткий их обзор дает в своей интересной работе М. Инглот. *Carska cenzura w latach 1831—1850 wobec arcydzieł literatury polskiej*.— *Ze skarbcza kultury*. Zesz. 17. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1965, s. 104.

В 1824 году Голицына на посту министра сменяет А. С. Шишков, ярый реакционер, намного перещеголявший в репрессивных мерах своего предшественника. Решение Голицына его не удовлетворило, и в 1826 году он вновь возвращается к этому делу и требует закрытия «Виленского дневника» по причине неблагонадежности его редактора и издателя А. Марциновского за публикацию в журнале упомянутой статьи. Только заступничество ректора университета В. Пеликана спасло журнал⁴³.

В 1822 году цесаревич Константин, которому с 1819 года была подчинена также Литва, проявил особый интерес к виленским повременным изданиям. В поле его зрения попадает журнал «Виленский еженедельник»⁴⁴ («Tygodnik Wileński»). В 10 номере журнала была опубликована выдержка из книги Лангле «Путешествие по Испании» с описанием огненной пляски фонданго «в неприличных и противных моральности и нравственности выражениях, также делаются самые оскорбительные намеки насчет духовенства и начальников церковной иерархии». Журнал издавался тиражом в 500 экземпляров, из которых 268 было сожжено, а остальные, находившиеся у подписчиков, были вытребованы обратно. Журнал был закрыт, а его издатель Жулковский подвергнут месячному аресту. В связи с этим в донесении Константину (без подписи, но видимо Римского-Корсакова) говорится, что цензурный комитет в Вильнюсе «...не в первый уже раз изобличен в дозволении печатать непозволительные сочинения, за что и выговор ему сделан в 1818 году, почему и сообщил ныне же о сем г. министру духовных дел и народного просвещения».

На этом однако злоключения по поводу танца фонданго не кончились. Цензурному комитету было предложено переизбрать Е. Б. Клонгевича, давшего дозволение на печатание журнала. В случае же если весь комитет согласен с цензором Клонгевичем — переизбрать весь комитет. Такой полицейский окрик возымел на весь профессорский состав университета как раз обратное действие, на которое рассчитывал Константин. Вместо профессора теологии Клонгевича цензором был избран Иоахим Лелевель, уже тогда известный своими демократическими взглядами⁴⁵.

Выражая недоверие ко всему составу цензурного комитета, Константин издает распоряжение передать цензуру повременных изданий в ведение Литовского военного губернатора. Литовский военный губернатор Римский-Корсаков поручил ее директору почт Бухарскому⁴⁶. Кроме того, были составлены списки всех лиц, выписывающих иностранные периодические издания⁴⁷.

Цензурная репрессия по отношению к «Виленскому еженедельнику» отразилась на всю культурную жизнь Вильнюса тех лет. Это было предвестником бури, которую попечитель учебного округа А. К. Чарторыйский стремился предотвратить. Александр I давно уже сбросил маску либерала и в условиях усилившейся общей реакции в стране Чарторыйский не был уже в силах оградить культурную жизнь Вильнюса и стремился ее свернуть, чтобы не навлечь репрессий на универ-

⁴³ ЦГИА ЛССР, ф. 567, оп. 2, д. 1469, лл. 53—54, 58—64; ф. 721, оп. 1, д. 1054, л. 119.

⁴⁴ Этот вопрос подробно изложен в статьях: Abramowicz L. Represje prasowe przed stu lat.—Przegląd Wileński, Wilno, 1929, Nr. 2; Pigoń: S. Kłopoty księdza cenzora.—Z. dawnego Wilna. Wilno, 1929, s. 29—42.

⁴⁵ ЦГИА ЛССР, ф. 378, 1822, д. 264, лл. 1—8; ф. 721, оп. 1, д. 73, л. 128 об. Деятельности Лелевеля как цензора касается И. К. Ордынец.—См.: „Kurjer Polski“, Warszawa, 1831, Nr. 495.

⁴⁶ ЦГИА ЛССР, ф. 378, 1822, д. 300, л. 29; ф. 1135, оп. 4, д. 421, лл. 38—39.

⁴⁷ Там же, ф. 378, 1822, д. 300, лл. 45—47, 49.

ситет. В сентябре 1822 года в письме к Яну Снядецкому он так об этом пишет:

«...Нынешнее время является нелегким... Необходимо также, чтобы университет для своего собственного благополучия питал непоколебимое доверие к своему попечителю и верил, что если он своими действиями не всегда добьется желаемых результатов, то по крайней мере всегда старается предохранить его (университет.— Г Ш.) от большого зла, что если он (попечитель.— Г Ш.) многим лицам часто кажется неприятным, то это делается так только потому, чтобы всем хуже не было»⁴⁸.

Видимо, по указанию Чарторыйского прекращает свое существование Виленское типографическое общество, сворачивается вся культурно-общественная жизнь Вильнюса.

Закрытие «Виленского еженедельника» отозвалось на всей практике виленской цензуры. Вероятно, по указанию Константина из Петербурга от министра духовных дел и народного просвещения Голицына следует в марте 1823 года предписание, чтобы Виленский цензурный комитет до выработки нового цензурного устава пользовался варшавскими цензурными установками, являвшимися более строгими⁴⁹.

В 1823 году количество цензоров Виленского цензурного комитета уменьшается до трех, ибо значительно уменьшился объем его работы. Цензура повременных изданий перешла в ведение военного губернатора, а рассмотрение медицинских сочинений, согласно указанию министра просвещения от 10-го апреля 1820 года, осуществлялось медицинским факультетом.

Хочется отметить последнее указание Чарторыйского, данное цензурному комитету перед его уходом с поста попечителя Виленского учебного округа. 4-го марта 1824 года Чарторыйский предписывает цензурному комитету следить, чтобы сочинения здравствующих авторов разрешались к печати только их первым издателям или уполномоченным, ибо перепечатка их другими лицами нарушает права собственности и является преградой к развитию книготорговли. Вопрос этот возник в связи с тем, что варшавские книгоиздатели Н. Глюксберг и А. Бжезина жаловались Чарторыйскому на ряд типографий Виленского учебного округа, занимавшихся такими перепечатками изданных ими произведений. Чарторыйский пишет, что сделает по этому поводу представление министру духовных дел и народного просвещения с предложением выработать по этому вопросу постоянные правила и узаконения⁵⁰.

События, разыгравшиеся в Вильнюсе в мае 1823 года, имели трагические последствия для Виленского университета. 3-го мая ученик 5-го класса Виленской гимназии Михал Плятер написал на доске «Да здравствует конституция 3-го мая» (речь шла о прогрессивной конституции Речи Посполитой 1791 года). Это было превращено в политическое событие и по распоряжению цесаревича Константина ректор университета, директор гимназии, несколько учителей и учеников были посажены в тюрьму⁵¹.

Для расследования дела в Вильнюс в июле 1823 года направляется Н. Н. Новосильцев, комиссар при правительстве Королевства польского. С его приездом в жизни Виленского университета и учебного окру-

⁴⁸ Baliński M. Pamiętniki o Janie Sniadeckim. T. 1, Wilno, 1865, s. 870—871.

⁴⁹ ЦГИА ЛССР, ф. 721, оп. 1, д. 73, лл. 139—140.

⁵⁰ ЦГИА ЛССР, ф. 721, оп. 1, д. 1055, л. 7; ф. 567, оп. 2, д. 1418, лл. 6—7.

⁵¹ Archiwum do dziejów literatury oświaty w Polsce. T. 6., Kraków, 1890, s. 176—177.

га начинается новая эпоха — эпоха реакции. Расследуя это дело, Новосильцев вскрывает существование патриотических антицарских студенческих обществ филоматов, филаретов и других и тайное печатание, предпринятое ими ⁵².

Одной из основных задач обществ филоматов и филаретов являлось самообразование. С этой целью на собраниях зачитывались доклады на различные темы. Немалый интерес они проявляли к географии и краеведению, что нашло свое конкретное выражение в напечатанном тайно известном «Географическом описании или инструкции для составления описания приходов». Об инструкции писали многие историки и литературоведы: Г. Мостицкий, Шпотаньский, З. Яблоньска-Эрдманова и другие, а в последнее время А. Халубиньска. Дважды она публиковалась ⁵³.

Нет необходимости останавливаться на известных уже фактах. Остается лишь выяснить неизвестные до сих пор подробности напечатания «Географического описания» в типографии базилиан. Эти подробности восстанавливают показания филарета Яна Юндзилла, данные следственной комиссией.

«Географическое описание» было составлено под руководством филомата Франтишка Малевского специальным статистическим комитетом ⁵⁴. Именно Я. Юндзиллу, проживавшему в монастыре базилиан, было поручено договориться о напечатании брошюры. Юндзилл, как явствует из его показаний, первоначально обратился по этому вопросу к заведующему типографией базилиан Шиманскому. Шиманский не согласился печатать брошюры без дозволения цензуры и отослал ее к цензору Ф. Голяньскому, потребовавшему в свою очередь назвать имя ее составителя. Общество филаретов на это не пошло, считая издание мероприятием частного характера, и не хотело отдавать его на суд общественности. К тому же Шиманский потребовал очень большое вознаграждение за напечатание инструкции. Тогда Ян Юндзилл, обходя все эти преграды, договорился с рабочими типографии ордена базилиан М. Юндзиллом, К. Коралькой-Кральковским, И. Бурдзиловичем, П. Закшевским, что они за 17 рублей серебром отпечатают 200 экземпляров инструкции. Работали рабочие ночью. Дело было накануне студенческих каникул, и филареты спешили с изданием инструкции, чтобы раздать ее разъезжающим студентам ⁵⁵. Назначенная по распоряжению Чарторыйского в 1822 году, еще до приезда Новосильцева, комиссия для расследования деятельности студенческого общества променистых обнаружила указанную инструкцию, напечатанную без дозволения цензуры, но так и не смогла выяснить, где она была отпечатана ⁵⁶. Действовавшая под руководством Новосильцева комиссия по расследованию деятельности тайных обществ в Вильнюсе в своем докладе предложила закрыть типографию ордена базилиан до рассмотрения дела в суде, но Новосильцев посчитал нужным ограничиться взятием

---

⁵² О тайных обществах в Литве на рус. яз. См.: Воронков И. А. Польские тайные общества в Литве и Белоруссии в конце XVIII и первом тридцатилетии XIX в.— «Исторические заметки». Т. 60, М., 1957, с. 285—303.

⁵³ Mościcki H. Wilno i Warszawa w „Dziadach” Mickiewicza. Warszawa, 1908, s. 151—165; Materiały do historii Towarzystwa filomatów.— Т. 3, Kraków, 1934, s. 115—128.

⁵⁴ Chalubińska A. Sprawa „Opisu geograficznego” w tajnym ruchu filomackim.— Studia i materiały z dziejów nauki polskiej. Seria C. Zesz. 6, Warszawa, 1963, s. 5.

⁵⁵ ЦГИА ЛССР, ф. 443, оп. 4, д. 1186, лл. 5—9.

⁵⁶ Archiwum do dziejów literatury. t. 6, s. 249.

подписки с типографии о том, что при вторичном печатании без дозволения цензуры она будет закрыта⁵⁷.

Дело на Николая Юндзила, Казимежа Коральку-Кральковского, Игната Бурдзиловича и Поликарпа Закшевского было передано в суд. Оно затянулось до октября 1826 года ввиду затребования разных документов о происхождении обвиняемых. То обстоятельство, что 22 августа 1826 года вышел царский манифест об амнистии за легкие преступления, спасло обвиняемых от каторги, и все они по этому указу были освобождены⁵⁸.

Большие изменения произошли в цензурной практике Виленского университета с назначением в 1824 году попечителем Виленского учебного округа Новосильцева, а ректором университета — В. Пеликана. Если Новосильцев усматривал в книгах и предметах, преподаваемых в Виленском университете, некую социальную опасность для царизма, то Пеликан, непосредственно связанный с польской культурой, знавший местную среду, хорошо понимал, что основной проблемой, волновавшей юношество и местную общественность, был вопрос о восстановлении независимости поработенной Речи Посполитой. Карьерист и ревностный исполнитель всех планов царского правительства, касающихся Литвы и Польши, Пеликан в связи с этим пишет 31 октября 1824 года докладную Новосильцеву, где предлагает отменить изучение польской истории в школе, осуществлявшейся по книге Ю. Миклашевского: «Рассматривая сие сочинение, нахожу как в предисловии оно, так и в самом сочинении некоторые выражения весьма неприличные для юношества, а кроме сего кажется ненужным дабы в училищах преподаваемая была кроме отечественной (которую читают учителя российский языка) в особенности еще история какого-либо частного государства, ибо самый уже предмет всеобщей истории и географии слишком пространен дабы можно заниматься еще особенными частями оной...» Докладную Пеликан заканчивает так: «Преподавание же польской истории, а равно и употребление сочинений Миклашевского вовсе в училищах запретить»⁵⁹.

По инициативе Пеликана были запрещены и два других учебника за их патристическую направленность — грамматика польского языка О. Копчиньского и стилистика П. Хшановского⁶⁰.

Новосильцев просматривал все учебники еще до получения цензурного одобрения и санкционировал их издание. Были даже случаи, когда он, не взирая на положительный отзыв университета, возвращал их на переработку⁶¹. Таким образом, в репрессивных мерах против отдельных книг университетская общественность никакого участия не принимала и ее роль была чисто пассивной. Последними цензорами Виленского цензурного комитета, работавшего по уставу 1804 года, были И. Решка, Ш. Жуковский, Л. Боровский⁶².

Венцом реакционной деятельности Шишкова как министра народного просвещения явилось введение нового цензурного устава, утвержденного 10 июня 1826 года, известного в истории под названием «чугунного». Этим уставом в стране были установлены Главный цензурный комитет в Петербурге и цензурные комитеты в Москве, Дерпте и Вильносе. Они подчинялись попечителям учебных округов.

⁵⁷ ЦГИА ЛССР, ф. 413, оп. 4, д. 1186, л. 9.

⁵⁸ Там же, лл. 17 об—18.

⁵⁹ ЦГИА ЛССР, ф. 567, оп. 2, д. 1469, л. 3.

⁶⁰ Этот вопрос очень подробно изложен в книге: Pigoń S. Z dawnego Wilna, s. 59—74.

⁶¹ ЦГИА ЛССР, ф. 567, оп. 2, д. 1658, лл. 2—2 об.

⁶² Там же, ф. 1135, оп. 4, д. 420, л. 20.

Характер нового устава наиболее полно выражает § 151, гласивший в противоположность цензурному уставу 1804 года, что «Не позволяется пропускать к печатанию места в сочинениях и переводах, имеющие двойкий смысл, ежели один из них противен цензурным правилам»⁶³. Это открывало путь для широкого произвола цензоров. Важнейшая организационная особенность нового устава — уничтожение выборности цензоров. Цензурный комитет состоял теперь из назначаемых чиновников, преданных царской власти. Намечая сначала для работы в цензурном комитете по совместительству с работой в университете кандидатуры профессора М. Мянковского, библиотекаря Л. Соболевского, Н. Юргевича и И. Шидловского и хорошо при этом учитывая намерения правительства, Пеликан так характеризует будущих цензоров: «. . . познания, расторопность, а также совершенная преданность и повиновение видам правительства, дают полную надежду о примерном исполнении ими сей новой. . . должности»⁶⁴.

Организация в Вильнюсе цензуры по новому уставу затянулась до 8 августа 1827 года. По неизвестным причинам до утверждения этого состава цензурного комитета не дошло. Новый штат Виленской цензуры состоял из председателя цензурного комитета — Адама Повстаньского, доктора прав, бывшего профессора Краковского лицея, с окладом 3000 рублей в год и 1000 рублей годовых на квартиру, а также цензоров: Норберта Юргевича, бывшего секретаря Виленского университета, Игнацы Шидловского, бывшего учителя словесности Виленской гимназии, с окладом 2500 рублей в год и квартирных 500 рублей и цензора древнееврейских и еврейских книг Т. Тугенгольца с окладом 1000 рублей в год. Тугенголец был жителем Варшавы. Брат его был цензором древнееврейских книг в Королевстве Польском. Кроме того, цензура имела еще 4 канцелярских служащих и сторожа со значительными окладами⁶⁵.

Если сравнить оклад действительного профессора Виленского университета, который считался очень высоким для своего времени (1500 рублей в год), с окладом цензора — 2500 рублей и средствами, которые ранее расходовались на цензуру, то легко увидеть, что царизм не считался со средствами и хотел иметь преданных проводников своей политики.

Новые цензоры следующим образом распределили между собой работу: Юргевич цензуровал все издания, относящиеся к судебным делам (позвы, адвокатские мнения, манифесты и др.), религиозные, географические, статистические книги, иконографические произведения, ноты; Шидловский — произведения исторические, литературные, философские, относящиеся к политэкономии и естествознанию; Тугенголец — древнееврейские и еврейские книги. Повстаньский осуществлял общее руководство⁶⁶.

Служебное рвение новых цензоров было настолько велико, что Петербургу приходилось даже их останавливать. Всюду им чудился скрытый смысл и вред правительству. В октябре 1827 года цензор И. Шидловский запрещает к изданию рукопись Игнатия Богдановского «Альпы Карницкие» (на польском языке). Пеликан, докладывая об этом Новосильцеву, отмечает, что кроме ряда фактических ошибок «. . . самая непростительная погрешность автора состоит в том, что повествуя о временах давно протекших, поместил в своем романе Мицкевича

⁶³ Сборник постановлений . . . , с. 166.

⁶⁴ ЦГИА ЛССР, ф. 1135, оп. 4, д. 419, лл. 26—27.

⁶⁵ Там же, ф. 567, оп. 2, д. 1960, лл. 2, 21—27.

⁶⁶ ЦГИА ЛССР, ф. 1240, оп. 1, д. 4, лл. 43, 70.

Баллады, изданные в 1820 году. Неизвестно даже чему приписать столь грубую ошибку»⁶⁷. Автор, по-видимому, опротестовал решение Виленского цензурного комитета в Петербурге. В июне 1828 года новый министр просвещения Ливен сообщает Виленскому цензурному комитету, что рукопись «Альпы Карницкие», повествующая о Болеславе Смелом, не содержит в себе ничего предосудительного, допущенные ошибки легко могут быть исправлены, а немногие сомнительные места — вычеркнуты. В ответ на это последовал протест Виленского цензурного комитета, где между прочим указывается, что основным мотивом запрещения должна явиться, по мнению Виленского цензурного комитета, тень, которую автор косвенно бросает на ныне царствующие особы, описывая преступления, совершенные царствующими лицами тех далеких времен. В романах для простолюдинов это недопустимо⁶⁸.

Книга, вероятно, не была напечатана, ибо в «Польской библиографии» Эстрейхера она не значится. Виленский цензурный комитет не одобрил также рукописи Т. Е. Массальского «Пан подстольник» (на польском языке), между тем Петербургский цензурный комитет дал разрешение на ее печатание⁶⁹. Книга в 1831 году вышла в свет и была даже переведена на русский язык. Виленская цензура не дала также разрешения на печатание другой рукописи Массальского «Избранные восточные сказки», где, по мнению цензуры, имелись слишком вольные места о королях⁷⁰. Той же печальной участи подвергся и перевод сочинения Ж. Ж. Руссо «София или письма двух приятельниц», изданного в Петербурге еще в 1780 году⁷¹.

Программа Виленского цензурного комитета нашла наиболее яркое выражение в знаменитом рапорте Н. Н. Новосильцева к цесаревичу Константину относительно увидевшей свет в Петербурге в 1828 году поэмы А. Мицкевича «Конрад Валленрод». Нет необходимости подробно излагать мотивы, по которым Новосильцев добивался запрещения поэмы. Вкратце они сводятся к тому, что поэма является намеком на тогдашнее положение поляков и прямым призывом к борьбе за освобождение. Интересны здесь функции, которые Новосильцев налагает на Виленский цензурный комитет в связи с этим. Он предлагает «предписать цензурным комитетам, чтобы сочинения Мицкевича и другие сего рода произведения польской словесности, которые заключают в себе предметы, позаимствованные из польской истории, или относящиеся до польского национализма, отсылались к рассмотрению в Виленский цензурный комитет»⁷².

Большие цензурные митарства выпали на долю литовской книги. Господствовавшая в университете польская шляхетская идеология всячески тормозила развитие народной литовской литературы. Литовский

⁶⁷ ЦГИА ЛССР, ф. 567, оп. 2, д. 1469, лл. 160, 173.

⁶⁸ Там же, лл. 325—328.

⁶⁹ Iwaszkiewicz J. Z pamiętników Hipolita Klimaszewskiego.— Księga pamiątkowa ku uczczeniu CCCL rocznicy założenia i wskrzeszenia Uniwersytetu Wileńskiego. Wilno, 1929, s. 401.

⁷⁰ ЦГИА ЛССР, ф. 567, оп. 2, д. 1469, л. 356.

⁷¹ Там же, л. 179.

⁷² Treściak J. Raport urzędowy Nowosilcowa o „Konradzie Wallenrodzie”.— Pamiętnik Towarzystwa literackiego im Adama Mickiewicza. R. 5, Lwów, 1891, s. 250. Трудно предположить, что Новосильцев писал свой рапорт без ведома Виленского цензурного комитета. Более того, имея в виду отрицательное отношение цензора И. Шидловского к романтизму, можно даже предположить, что Шидловский являлся инициатором гонений на А. Мицкевича. Правда, по свидетельству Г. Климашевского, современника Шидловского, Новосильцев заставил И. Шидловского написать отрицательный отзыв о «Конраде Валленроде».— Iwaszkiewicz J. Z pamiętników... s. 401. Как бы то ни было, И. Шидловский как цензор художественной литературы Виленского цензурного комитета несомненно был причастен к рапорту Новосильцева.

народный поэт Антанас Страздас (Драздаускас) еще в 1824 году сдал в Виленскую цензуру свой второй сборник песен. Сборник одобрения не получил и по действующим правилам ему возвращен не был. В 1827 году Страздас вновь возбуждает ходатайство перед Виленской цензурой, но оно было отклонено по той причине, что его произведения «не содержат в себе ни пользы, ни приятности»⁷³.

Между тем, Главный цензурный комитет в июне 1828 года отменяет решение Виленского цензурного комитета и разрешает печатать произведения Страздаса, как не содержащие в себе ничего вредного. Но даже после этого Виленский цензурный комитет выступает с резким протестом против решения Главного цензурного комитета⁷⁴. Так и эта рукопись не увидела света и где-то затерялась в архивах.

Цензура чинила препятствия и выходу в свет другой литовской книги — литовско-польской грамматики А. Буткявичюса. Как видно из ответа Виленского цензурного комитета на жалобу ксендза В. Вильмикаса, хлопотавшего об издании произведений Страздаса и книги Буткявичюса, цензор прежнего цензурного комитета Жуковский 7 декабря 1825 года после изъятия примеров из запрещенной грамматики Копчиньского, дозволил книгу печатать. Однако, как явствует из обширной статьи по этому вопросу А. Каупуж и И. Лукшайте, рукопись не была возвращена автору и была преднамеренно утеряна⁷⁵.

Число литовских книг непрерывно росло, и преграды, чинимые ее выходу в свет со стороны цензуры, глубоко волновали передовую литовскую интеллигенцию — кружок, возглавляемый видным литовским писателем XIX века Симонасом Станявичюсом. Эти люди искали путей для преодоления этого препятствия. Видный литовский историк литературы Ю. Лебедис предполагает, что именно С. Станявичюс или кто-то из его друзей являлся инициатором того, что 65-летний, ничем ранее не отличившийся в литовской литературе Юозас Володзька стал ходатайствовать о принятии его без содержания цензором Виленской цензуры для просмотра литовских книг⁷⁶. Володзька был цензором до 1827 г.

Володзька Юозас Андрияус (Володзько Осип Андреевич) окончил Виленскую гимназию и в 1789 году был принят в учительскую семинарию при Литовской главной школе. После окончания семинарии Володзька был определен учителем физики и математики в Ковенское уездное училище. Когда училище перешло к францисканцам, он был уволен⁷⁷. Позже он был частным учителем и управляющим именьями. Придавая большое значение должности цензора, Новосильцев только тогда согласился его утвердить, когда университет выдал Володзьке положительную характеристику⁷⁸.

Все время активно вмешивался в дела цензуры Пеликан. Так, например, в мае 1828 года по его предложению было аннулировано разрешение на вольную продажу книги «Старец к юноше» (на польском языке), в 7-ой главе которой «О религиозных обязанностях» Пеликан усмотрел положения, противоречащие христианскому вероисповеданию.

⁷³ ЦГИА ЛССР, ф. 1135, оп. 4, д. 419, л. 123.

⁷⁴ См. очень подробную документальную статью о перипетиях Страздаса с цензурой: Vapargas V. Nauja archyvinė medžiaga apie A. Strazdą.— „Literatūra ir kalba“, t. 5, 1961, p. 435—464; ЦГИА ЛССР, ф. 1135, оп. 4, д. 419, лл. 183, 184; ф. 567, оп. 2, д. 1469, лл. 326—327.

⁷⁵ Каупуж А. и Лукшайте Ж. А. Butkevičiaus gramatikos byla.— „Kalbotyra“, t. 5, 1962, p. 122—162.

⁷⁶ Lebedys J. Simonas Stanevičius. V., 1955, p. 156—157.

⁷⁷ ЦГИА ЛССР, ф. 1135, оп. 4, д. 419, л. 140.

⁷⁸ Там же, ф. 1240, оп. 1, д. 5, л. 11.

Между тем книга была дозволена цензором Жуковским, отпечатана тиражем в 620 экземпляров и уже поступила в продажу ⁷⁹.

Верноподданнический дух, стремление усилить охранительные функции цензуры, характерные для Виленского цензурного комитета, руководимого А. Повстанским, иллюстрирует особенно наглядно следующий факт. В 1828 году последовало указание Министерства просвещения, чтобы на некоторых официальных изданиях не ставить одобрения цензуры. В Виленском цензурном комитете возникло в связи с этим разногласие, считать ли все издания по судебным делам официальными, то есть пропускать их без предварительной цензуры. В конечном счете было решено, что (это несмотря на предложение из Петербурга) все эти издания должны проходить предварительную цензуру ⁸⁰.

Внимание правительства привлек все возрастающий выход в свет древнееврейской и еврейской книги. В «чугунном» уставе 1826 года древнееврейским книгам посвящена целая — 16 — глава. Как и весь устав, и эта глава была исключительно реакционной. Основной параграф этой главы разрешал публиковать только книги священного писания без толкований и молитвенники без прибавления о посторонних предметах ⁸¹. Согласно этому же цензурному уставу цензура всех выходящих в России древнееврейских книг возлагалась на Виленский цензурный комитет. К его функциям относился также просмотр книг, ввозимых из-за границы, так как в Министерстве внутренних дел, в чью компетенцию это входило, не было соответствующего для этого человека ⁸².

Ограничения в издании древнееврейских книг являлись частью реакционной политики угнетения еврейского народа, проводившейся царским правительством, и наносили исключительный вред еврейскому издательскому делу в России. Светских школ для евреев не было, а в существующих еврейских религиозных школах дети обучались грамоте именно по религиозной книге с комментариями. За границей везде, даже в Королевстве польском, издание библии с комментариями разрешалось. Нигде в Европе издание книг, увидевших свет сотни лет тому назад, не запрещалось.

Расположенные на территории Виленского учебного округа еврейские типографии до 1826 года производили в год около 80 000 экз. древнееврейских книг, из которых 60 000 экз. экспортировалось в Турцию и другие зарубежные страны. После запрета печатания книг с комментариями древнееврейское книгопечатание начало клониться к упадку, и древнееврейские книги для России стали производиться в Германии. Это имело также и экономические последствия. Почти 1000 еврейских семей, занятых в печатном деле, лишалось средств к существованию, и валюта уходила за границу ⁸³.

В 1828 году на древнееврейскую книгу начались новые гонения. Поводом послужили древнееврейские книги, задержанные на Преборовской таможне, Гродненской губернии. Среди них оказалось много запрещенных по новому уставу книг, напечатанных ранее с дозволения Виленской цензуры. И хотя в этих книгах, как писал в своем объяснении цензор Ш. Жуковский, «...по совести моей не находилось ничего противного христианской вере» и он руководствовался при этом уставами 1804 и 1826 года ⁸⁴, закону была сообщена сила обратного действия.

⁷⁹ ЦГИА ЛССР, ф. 1135, оп. 4, д. 419, лл. 179—180.

⁸⁰ Там же, лл. 155—157.

⁸¹ Сборник постановлений ..., с. 177—178.

⁸² ЦГИА ЛССР, ф. 567, оп. 2, д. 1469, л. 267—268.

⁸³ Там же, лл. 298—300.

⁸⁴ Там же, лл. 337—338, 339—340.

Царь, которому это дело доложили, приказал принять строгие меры, чтобы книги с комментариями не только в России не издавались, но и не обращались. Цензурному комитету было предложено подвергнуть просмотру все находящиеся в обращении древнееврейские книги, не дозволенные изъять, а на дозволенные ставить особую печать⁸⁵.

Председатель Виленского цензурного комитета А. Повстанский составил подробный проект, как следует осуществить эту проверку. Проект отличается большой жесткостью. Повстанский предложил запретить все изданные с дозволения цензуры до 1826 года древнееврейские книги. При этом он считал, что деньги на содержание еврейской цензуры нужно взимать с евреев. Кроме того, за оштемпелевание книги, то есть за штамп, разрешающий ее хранение, владлец книги также должен был вносить немалую плату, что ложилось тяжелым бременем на проживающий в исключительной нищете еврейский народ, если принять во внимание, что в каждой, даже в самой бедной семье, имелось несколько молитвенников.

Штемпелевание книг Повстанский предлагал производить не только в Виленском цензурном комитете совместно с полицией, но и в других городах в полиции, куда будут сообщены списки дозволенных книг. В связи с этим значительно увеличилась бы работа по цензуре древнееврейских книг, и Повстанский предлагал учредить вторую должность цензора по древнееврейским книгам, а над цензорами назначить ревизора⁸⁶. Несмотря на возражения со стороны цензора Тугенгольца против отдельных пунктов проекта⁸⁷, он был осуществлен в 1836 году⁸⁸.

Жесткий цензурный гнет не остановил печатания древнееврейских книг. Весьма часто на них ставилось ложное цензурное дозволение. В 1828 году за печатание книги «Шивхе реб Хаим Виталь» (книга увидела свет за 400 лет до этого) была закрыта типография Арона Йойновича Кморфайна в Остроге. Сам он к этому времени умер, и это спасло его от суда⁸⁹.

Не лишены интереса некоторые цифровые данные о работе цензурного комитета. С 3 августа 1827 г. по 1 июня 1828 г. Виленский цензурный комитет одобрил 417 произведений, в том числе 215 адвокатских мнений и других изданий по судебным делам, запретил 14 рукописей и возвратил авторам для исправления 542⁹⁰. Большинство книг было на польском и древнееврейском языках.

«Чугунный» устав был настолько нетерпим, что даже само правительство сочло необходимым несколько его смягчить. Был создан специальный комитет для его переработки, и 22 апреля 1828 года новый цензурный устав получил утверждение. Согласно этому новому уставу, цензоры уже не являлись судьями достоинств или пользы сочинения, как это было по уставу 1826 года, а их компетенция ограничивалась решением вопроса о благонадежности книги. Параграф 6 нового устава гласил, что цензура должна всегда за основание принимать явный смысл речи, не дозволяя себе произвольного толкования ее в другую сторону. На деле, однако, реакция продолжалась.

Цензурные комитеты под председательством попечителей учебных округов были созданы в Петербурге, Москве, Риге, Киеве, Одессе, Тифлисе и Вильнюсе. Цензура иностранных книг поступила в ведение этих

⁸⁵ ЦГИА ЛССР, ф. 1240, оп. 1, д. 5, лл. 96—97, 101.

⁸⁶ ЦГИА ЛССР, ф. 567, оп. 2, д. 1469, лл. 290—296.

⁸⁷ Там же, лл. 300—314.

⁸⁸ Еврейская энциклопедия. Т. 15, Спб., б. г., стлб. 799.

⁸⁹ ЦГИА ЛССР, ф. 1240, оп. 1, д. 5, лл. 203—204; ф. 567, оп. 2, д. 1469, л. 255.

⁹⁰ Там же, ф. 1135, оп. 4, д. 420, л. 326.

же цензурных комитетов. Уставом 1828 года было положено начало множественности цензур, развившейся в течение 30-х и 40-х годов. Цензура периодических изданий, как уже отмечалось, с 1822 года на территории Виленского учебного года находилась в ведении Литовского губернатора, медицинская литература рассматривалась медицинским факультетом университета, для рассматривания иностранных повременных изданий существовала специально учрежденная почтовая цензура при почтовых ведомствах. Все известия, касающиеся царской фамилии и описания официальных торжеств, санкционировались только министром императорского двора. Ряд министерств получил право цензуры⁹¹.

Виленский цензурный комитет, организованный по новому уставу, начал свою работу 30 марта 1829 года⁹². Председателем, по положению устава, был Новосильцев, заместителем его — Пеликан. Цензорами являлись профессор Виленского университета Л. Боровский, М. Очаповский, Иван Беркман, Павел Кукольник с окладом 1500 рублей в год, цензорами древнееврейских книг — Т. Тугенгольц и Феликс Нейман, секретарем был назначен учитель Виленской гимназии Дмитриев. Для просмотра адвокатских мнений и других изданий по судебным делам в городах Минске, Гродне, Житомире и Каменец Подольске из числа учителей назначались цензоры с окладом 800 рублей в год⁹³.

Цензура повременных изданий переходит вновь в ведение Виленского цензурного комитета⁹⁴, то есть Министерства просвещения. Тем не менее цензурный гнет над повременными изданиями не ослабел, а усилился. В 1830 году следует указание царя, запрещающее публиковать в повременных изданиях статьи без подлинной фамилии автора⁹⁵. Вскоре это распоряжение отменяется и разрешается пользоваться криптонимами и псевдонимами при условии, однако, что цензору будет известна настоящая фамилия автора⁹⁶. С этого времени на цензуру России возлагаются прямо полицейские функции. По распоряжению знаменитого начальника 3-го отделения, шефа жандармов Бенкендорфа, цензурные комитеты должны были доносить начальству об авторах сочинений, «показывающих дух неблагонамеренный» для установления над ними надзора⁹⁷.

Работа Виленского цензурного комитета в эти годы отличается реакционностью. Цензоры почти никакой самостоятельностью не пользовались, и все зависело от воли Пеликана и Новосильцева⁹⁸. Однако и в эти годы мы встречаемся с курьезами в цензурной практике. В 1829 году за разрешением цензора П. Кукольника в Вильнюсе вышел первый перевод на польском языке «Дум» Рылеева. После восстания декабристов даже упоминание имени Рылеева в России запрещалось. Чем была вызвана снисходительность Кукольника трудно объяснить⁹⁸.

Как явствует из этого краткого обзора, цензура в развитии вильнюсского издательского дела играла не всегда одинаковую роль. Ее де-

⁹¹ Скабичевский А. М. Очерки истории..., с. 220—222.

⁹² ЦГИА ЛССР, ф. 721, оп. 1, д. 303, л. 90.

⁹³ Там же, д. 1056, лл. 70—73.

⁹⁴ Там же, ф. 373, 1826, д. 393, л. 43.

⁹⁵ Там же, ф. 1135, оп. 4, д. 423, л. 9.

⁹⁶ Там же, л. 25.

⁹⁷ Там же, л. 48.

⁹⁸ По этому вопросу см.: Fiszmann S. Z polsko-rosyjskich stosunków literackich w okresie 1800—1831 r. — Z polskich studiów slawistycznych. Warszawa, 1958, s. 113—114. В настоящее время над этим вопросом работает А. В. Каупуж. Предварительные данные этого исследования опубликованы в: „Czerwony sztandar”, 1966, 3 września.

тельность за 1803—1832 годы распадается на два периода. 1-ый период — 1803—1824 годы. В эти годы, когда университет пользовался под попечительством А. Чарторыйского независимостью и вильнюсская цензура (особенно до 1822 года, пока в ее дела не вмешался цесаревич Константин) в основном придерживалась лучших сторон устава 1804 года и не чинила особых препятствий развитию книгопечатания на территории учебного округа. О том, что это так, свидетельствуют многочисленные выговоры и замечания, получаемые в тот период цензурой, недоверие к ней правящих кругов. 2-ой период — 1824—1832 годы, годы, когда в университете воцарился дух реакции. Поднятая на щит цензура отличается в эти годы реакционностью, что наглядно проявилось в преследовании произведений А. Мицкевича, и являлась бичом для издательского дела в учебном округе, препятствуя ему более успешному развитию.

VILNIAUS CENZŪROS VAIDMUO KNYGŲ LEIDIME 1803—1832 M.

G. SULKINA

Reziumė

Vilniaus universitetas (1803—1832) suvaidino lemlamą vaidmenį, plečiant leidybinį darbą Lietuvoje. Siekdamas plačiai išvystyti švietimo darbą, universitetas įvykdė eilę priemonių, padėjusių pakelti leidybinio darbo lygį Vilniaus švietimo apygardoje. Nagrinėjant Vilniaus universiteto įtaką leidybiniam darbui, būtinai reikia paliesti ir cenzūros prie universiteto veiklą. Neužsibrėždama visapusiškai išnagrinėti šio klausimo, autorė stengiasi apibūdinti universiteto cenzūrą kaip jo veiklos knygų leidimo srityje sudėtinę dalį. Kadangi universiteto cenzūra apėmė lenkų, žydų ir lietuvių kalbų leidinius, straipsnyje surinkti ir nagrinėjami tie faktai, kurie lietė cenzūros priespaudą lietuvių, žydų ir lenkų knygų atžvilgiu.

1803 m. reorganizavus Lietuvos Vyriausiąją mokyklą į Vilniaus universitetą, prie jo buvo įsteigta cenzūra, kuri tikrino visus leidinius, leidžiamus Vilniaus švietimo apygardoje. Cenzorius rinkdavo patys profesoriai iš visų keturių universiteto fakultetų dėstytojų tarpo.

Caro Aleksandro I vyriausybės politika, laikui bėgant, darėsi vis reakcingesnė. Tai tiesiogiai veikė ir cenzūrą. Ji vis labiau tolo nuo palyginti švelnių 1804 m. cenzūros nuostatų. Nors visa cenzūros prie Vilniaus universiteto veikla keitėsi ta linkme, kaip ir visas tuometinis Rusijos visuomeninis gyvenimas, vis dėlto jai ypač būdingos kai kurios ypatybės, ir ji glaudžiai susijusi su Vilniaus universiteto istorija.

Iki 1824 m. Vilniaus švietimo apygardos globėju buvo įžymus politinis veikėjas lenkų magnatas Adomas Cartoriskis. Tais laikais universitetas tvarkėsi palyginti savarankiškai. Tai atsispindėjo ir cenzūros darbe. Vilniaus cenzūros komiteto darbo bendra kryptis iki XIX a. trečiojo dešimtmečio nepasižymėjo reakcingumu ir, kiek tai buvo galima, cenzūros srityje atsispindėjo švietimo ir šlėktų liberalizmo idėjos, viešpatavusios tuo laiku Vilniaus universitete. Dėl to caro valdžios organai kreivai žiūrėjo į universiteto cenzūrą. 1822 m. caraičio Konstantino įsakymu buvo uždarytas žurnalas „Tygodnik Wileński“, profesorius E. Klungevičius, praleidęs netinkamą straipsnį apie kelionę į Ispaniją, buvo atleistas iš cenzoriaus pareigų, o Vilniaus cenzūrai uždrausta tikrinti periodinius leidinius.

1823 m. į Vilnių atvyksta komisaras N. Novosilcevas, netrukus tapęs Vilniaus švietimo apygardos globėju. Jam atvykus, universiteto gyvenime prasidėjo reakcijos laikotarpis. Novosilcevas ir naujas universiteto rektorius V. Pelikanas stengėsi moksleivius paversti ištikimais caro tarnais. Ryšium su tuo universitete uždraudžiama dėstyti Lenkijos istoriją ir kai kurias kitas visuomeninių mokslų disciplinas, pakeičiami beveik visi vadovėliai. Didelių pakitimų įvyksta ir cenzūros darbe. Nuo 1824 m. cenzūra faktiškai netenka savarankiškumo ir darosi visiškai priklausoma nuo Novosilcevo ir Pelikano, kurie iš anksto vizuodavo visus leidžiamus vadovėlius ir netgi įsakydavo išimti iš apyvartos jau išleistas knygas.

1826 m. Rusijoje buvo priimti nauji, labai griežti cenzūros nuostatai, vadinti „špižiniais“. Buvo panaikintas cenzorių renkamumas.

1827 m. Vilniaus cenzūros komitetas pradėjo dirbti pagal naujuosius nuostatus. Komitetą sudarė keturi asmenys, nederbantieji universitete: pirmininkas A. Povstanskis, cenzoriai N. Jurgevičius, I. Sidlovskis ir T. Tugengolcas — visus šiuos asmenis Pelikanas apibūdino kaip ištikimus caro valdžiai valdininkus. Ir iš tikrųjų, naujas cenzūros komitetas taip stengėsi įsiteikti valdžiai, kad Peterburgui reikėjo net jį pristabdyti.

Cenzūros priespaudą teko patirti ir lietuviškajai knygai. Cenzūros archyvuose dingo A. Strazdo ir A. Butkevičiaus rankraščiai. Norėdamas apsaugoti lietuvišką knygą nuo persekiojimų, mokytojas Juozas Volodzka išsikovojo lietuviškų knygų cenzoriaus vietą be atlyginimo. Kadangi visi šie faktai literatūroje jau anksčiau buvo nušviesti, smulkiau šiame straipsnyje jie nenagrinėjami.

„Špižiniai“ nuostatai buvo tiek nepakenčiami, kad vyriausybei pačiai teko juos pakeisti. 1828 m. buvo patvirtinti nauji šiek tiek švelnesni nuostatai. Vilniaus cenzūros komitetas, perorganizuotas pagal šiuos nuostatus, pradėjo veikti nuo 1829 m. Jo veikla tais metais taip pat pasižymėjo reakcingumu.

Tuo būdu, Vilniaus cenzūra 1803—1832 m. ne visada vienodai trukdė leidybiniam darbui. Jos veikla skirstoma į du laikotarpius: 1803—1824 m., kai ji nedarė ypatingų kliūčių leidybiniam darbui Vilniaus švietimo apygardos teritorijoje, ir 1824—1832 m., kai universitete įsiviešpatavo reakcija.
